

ФОТО ЮРИЯ СТРЮКОВА

Елена Яковлевна, вы ведете на радио передачи о культуре речи. Неужели сами никогда не ошибаетесь?

- Случается. Вот, например, как-то сказала, что нашу передачу слушают «люди разных возрастов». А в словаре - *«Возрастов»*. И это при том, что я говорю более или менее правильно и за собой слежу. Но стоит ошибиться - и тут же приходит сотня писем: как вы могли так сказать?!

- Отчего же мы столь трепетно относимся к подобным вещам, несмотря на обилие более серьезных проблем? К тому же бывают ведь и варианты нормы - скажем, люди могут быть *бодры* и *бодры*, а дни - *коротки* и *коротки*. А постоять можно и у моста, и у моста - мир от этого не рухнет.

- Дело в том, что язык - очень эмоциональная сфера. Мы встречаем человека не столько по одежке, сколько по его речи. Язык легко выдает, откуда он, из какой семьи, каков уровень культуры. Но тут многое зависит от нашей собственной культуры, и потому реакция на чужую речь не всегда оправданна. Иногда, например, мне пишут: «Меня раздражает, что говорят «в эфире «Маяка». Разве эфир принадлежит только «Маяку»?» Конечно же, нет. Точно так же, как и у комсомольцев никогда не было никаких особых прав на Комсомольскую площадь, а у улицы «Правды» - монополии на правду. Порой даже старомосковское произношение, которое считается образцовым, тоже кому-то не нравится. И пишут: мол, мы вас очень любим, но почему вы сказали «грешневая каша»?

- Что ж, знатоки всегда в меньшинстве. Выходит, язык если и меняется, то только в худшую сторону?

- Меняться-то он меняется, а вот в какую сторону - дело вкуса. Например, убыстрился темп речи, изменилась интонация в конце повествовательного предложения, и нередко получается радостная несурзаца: «В результате взрыва пострадало пять человек!»

Мы, лингвисты, не можем бороться с тем, что есть. Мы фиксируем, храним и при этом стараемся держаться до последнего. Еще моя бабушка говорила: *дарит*. Сегодня звучит - *дарит*, это норма. А вот в слове *звонит* не хотим менять норму на *звонит*, хотя для многих такое уже привычно. Но когда так начинают говорить образованные люди, носители нормы, - приходится менять норму.

- Кто же эти носители? Люди, которых слышим по радио, видим на телеэкране?..

Слово было не только в начале всего, оно и сейчас и строит, и рушит. Хотите подружиться или поссориться - скажите что-нибудь. А там уж как пойдет, все зависит от качества текста. Именно на этом качестве и сосредоточены профессиональные интересы специалиста по культуре речи, кандидата филологических наук Елены ШМЕЛЕВОЙ. О том, как порой раздражает людей неверно поставленное ударение в слове, она знает по собственному опыту.

- Это сложный вопрос. Обычно в нормальном обществе есть какой-то социальный слой, который ощущается как языковой авторитет. В свое время это была столичная аристократия, потом актеры московского Малого театра, в советское время - дикторы радио. А сейчас неизвестно, на кого ориентироваться. Политики говорят плохо, язык радио и телевидения тоже очень далек от образца. Правда, остается авторитет у старой профессуры, ученых. Уж хотя бы преподаватели русского языка не снижали планку - это последний оплот, который должен устоять! Когда мне говорят, что учительница исправила в сочинении правильную форму на неправильную, для меня это уже почти крушение мира. Ведь что объединяет нас, россиян? Общее прошлое и язык. Как мы все говорим - таким и будет язык наших детей. Но часто даже те, кто называет себя патриотами, плохо изъясняются по-русски. И книжку может каждый напечатать, причем ее качество - личное дело автора. Обратная сторона свободы...

- А что, в прежние времена качество было на высоте?

- Там мешала идеология. Полистайте наши толковые словари: *Бог* - помета «устаревшее»; *благотворительность* - помета «в буржуазном обществе». В словаре Ушакова нет названий жителей городов - москвичей или киевлян, но почему-то есть ленинградцы. Почему? По алфавиту слово *ленинец* оказалось в словнике следующим за словом ленивый. И вдруг кто-то прочитает заглавные слова подряд - получится «ленивый ленинец». Но выход нашли: вставили между ними слово «ленинградец»... Словом, много было глупостей всяких.

Сегодня другая крайность - отсутствие всякого контроля, в результате выходят непрофессиональные словари. А словарь - это то, чему люди доверяют абсолютно. И вдруг там ошибки: например, в словаре, адресованном депутатам, приводится слово *созыв* с ударением на первом слоге, хотя это произношение неправильное, просторечное, правильно - *созьв*.

Ошибки не только в словарях. Язык наших законов таков, что постоянно

приходится давать экспертные заключения с точки зрения языка. Их можно трактовать и так, и сяк, отсюда масса юридических казусов. Плохо написанные законы - беда нашей страны.

- Ваши коллеги порой высказываются о языке не только законов, но и красноречивых поп-звезд. Например, оказалось, что известные киркорские монологи в адрес ростовской журналистки - не оскорбление... Как это так получается?

- Не хочу оценивать работу коллег, лучше приведу пример из собственной практики. В Орле семь месяцев продолжался судебный процесс, где истцами выступали сотрудники милиции. Они хотели, чтобы суд наложил запрет на слово «мент», считая его оскорбительным. Филологи Орловского университета пришли к выводу, что это слово давно стало нейтральным и само по себе оскорбления не содержит. В итоге судья отклонил милицкий иск. Когда же поинтересовались моим мнением по этому поводу, я сказала, что слово оскорбительное: в «Толковом словаре русского языка общего жаргона» мы увидим, что «мент» - из уголовной лексики, пререзительное. А вообще выводы экспертов должны опираться на контекст, на его восприятие в конкретной ситуации. Хотя орловские милиционеры оп-

стались... Я возразила: хорошо, что в людях живо нормальное нравственное чувство, и народ так считает. У нас же часто совершенно неправильное ощущение о мнении народа, его уровне, потому что зачастую мы слышим и видим какую-то пену, что мелькает на экране. А я получаю письма из маленьких русских городов и деревень, написанные прекрасным языком, без единой ошибки. У нас много людей, которые не просто хорошо говорят, но и проверяют себя, смотрят в словарь.

- Вы думаете, вся проблема в культуре? А что скажете, если образованная женщина, рассуждая об искусстве, нет-нет да и вставит «яркое» словцо?

- Это такая глупая смелость: мол, мы выше условностей... Но это мода вчерашнего дня. Если лет двадцать назад тем самым можно было показать, что ты не подчиняешься общепринятой морали, то сегодня это воспринимается как обыкновенное бескультурье.

История показывает, что, как только мы начинаем отбрасывать всякие культурные табу, ничего хорошего не бывает. Родители всегда учили: нельзя воровать, убивать, ругаться матом. В революцию оказалось, что все можно - и матом ругаться, и женщину ударить, и ребенка убить, если надо для «дела». Результаты известны.

- А у нас в России газ! Это раз.

- А у нас газопровод... Вот.

- О каком народе у нас наиболее злые анекдоты?

- Также об украинцах. Вот, к примеру: на конференции, посвященной этническим стереотипам, идет научная дискуссия. Какой народ самый глупый? Единодушное мнение - чукчи. А какой - самый ленивый? Русские. Самый жадный? Евреи. А кто соединяет в себе все эти качества? В ответ молчание. Затем голос из зала: «Зато мы спиваемо гарно!»

- Странно. Если верить социологам, то около 80 процентов россиян хорошо относятся к приезжим с Украины, причем эта цифра гораздо выше, чем набрали гости, например, из Африки, не говоря уж о Кавказе...

- Ничего удивительного: когда народы близки, то и анекдоты самые обидные. Вроде они такие же, как мы, а живут не так, язык коверкают, будто нарочно издеваются. Испанцы рассказывают о португальцах, шведы о норвежцах, французы - о бельгийцах. Порой считают, что если много анекдотов о евреях, то это показатель антисемитизма. Ничего подобного! Когда конфликт серьезен, анекдотов не появляется. Не может быть сегодня анекдотов о чеченцах, потому что слишком болезненная тема.

НЕ ВСЕ ГОДИТСЯ, ЧТО ГОВОРИТСЯ

- А мы сами как выглядим в анекдотах?

- Примерно так же, как и другие народы, умеющие посмеяться над собой. За нами всегда остается последнее слово, смешное и неожиданное. Нерасчетливость, широта души, склонность выпить - все это у нас не считается недостатком. А вообще-то самоирония - хорошее свойство, признак душевного здоровья.

- Появилось много новых слов, порой приличных, которые звучат на каждом шагу. Что, старых уже не хватает?

- В некоторых ситуациях хочется сказать как-то веселее, экспрессивнее, и жаргонные словечки входят в язык. Например, от компьютерщины: «я завис» или «не грузи». В разговоре с друзьями и я употребляю что-то похожее, что кажется мне выразительным, ярким. Но я категорически против криминального жаргона. Ведь даже с высокой трибуны часто звучит: *кинул, обул, разводка, разборка, мочить в сортире*. И человек себя выдает, показывает, в каких категориях мыслит. Так происходит криминализация сознания, а это гораздо опаснее засорения языка иностранными словами, с которыми русский язык справится, добавит к ним русские суффиксы, приставки, включая в систему склонения или спряжения. Например, от аббревиатуры PR получилось *пиарить, пиарщик, отпиарить*... Возможно, эти неологизмы приживутся, хотя уже и не имеют ничего общего с первоисточником.

- Неужели наш «великий и могучий» не способен создавать новое от русских корней?

- К сожалению, у нас утрачен огромный языковой пласт - диалекты. Еще не так давно они воспринимались как что-то неполноценное, и поэтому заодно с крестьянством уничтожали его речь: не говори, как бабушка, она неграмотная! Вот и прервалась связь поколений.

А в Германии к родному языку относятся иначе: в Баварии, например, никогда не выберут политика, который не владеет местным диалектом. Если человек выступает публично, то, конечно, говорит на общепонятном, литературном языке, но в семье, с друзьями - на своем. Сколько же ярких, выразительных слов мы потеряли... А ведь можем черпать из собственного языка бесконечно, не заимствуя иностранное.

**Евгений
КРУШЕЛЬНИЦКИЙ**